

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: O nekotoryh èlementah metaâzykovej sistemy fol'klora vostočnyh slavân : (*ko-/*ka-,*ku-)

Author: Margarita Nadel'-Červin'ska

Citation style: Nadel'-Červin'ska Margarita. (2009). O nekotoryh èlementah metaâzykovej sistemy fol'klora vostočnyh slavân : (*ko-/*ka-,*ku-). "Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica " (Nr 5 (2009), s. 99-115).

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Маргарита Надель-Червиньска*

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ МЕТАЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ
ФОЛЬКЛОР ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (*ko- / *ka-, *ku-)

С целью узнать, откуда взялось применительно к **кошкам** странное слово **коргоруши**, или **коловерши**, помощницы **дедушки-домового**, обратимся к этимологии, к словарю М. Фасмера¹. Итак, **карга** – это *железная скоба с острыми концами, забиваемая в бревно*. Она же *баба*, как знакомая по сказкам *яга* с когтями-граблями, которая цепляет и дерет своими *железными когтями*. Фасмер отмечает связь лексемы **карга** с **каргой** = *вороной* и **кошкой** = *якорем*. Последнее для нашей темы особенно интересно. С одной стороны, **карга** и **корга** – 1) ворона; 2) старуха; **каржата** – воронята. Но **карга** также – топкое место в лесу (*арханг., олонецк.*), т.е. *лесное болото* (ср. ниже в нашей статье: **болотница**). **Карега** – волна (*олонецк.*). А **карежить** – волновать поверхность воды (*там же*). Однако **karhu** (*фин.*) также имеет значение „медведь”².

Приведем также слова, весьма сходные, но несколько отличные по звучанию: **карда** – чесалка, скребница (сказочный атрибут ‘бабы-яги’, ‘грабли’, коими она соскребает с повинного ‘кожу и мясо до самой кости’); **кардать** – чесать шерсть. **Карда** также – задний двор, выгон для скота. Фасмер сопоставляет эту лексему и со словами неславянских традиций, обозначающими „двор”, „жердь, перекладина, граница”, „ограда”, „хлев”. В *олонецком говоре* мы находим также **кардеж** – запах горелой шерсти, соломы; угар; дурной запах; запах гари (последнее – у *финнов*)³.

---

* Силезский университет.

¹ Для целей данной работы можно ограничиться только одним этим этимологическим изданием, в котором, кстати сказать, интересующий нас материал, в основном не литературного языкового слоя, представлен наиболее полно.

² Коротко поясним: мифосемантическое тождество **медведь** = **волк** основано на общем этимологическом корне праязыка [Тамкредидзе, Иванов 1984: 492–499]. К мифо-фольклорному тождеству **волк** = **кот**, наиболее ярко проявленному в сказках и т. наз. «детском» песенном фольклоре, мы не раз обращались в своих работах, особое место уделено ему и в монографии [Надель-Червинская 1996]. Там же, более подробно чем в этой статье, рассматривается этимологическая близость **кот** = **кость** = **ко(а)шей**.

³ Фонема ‘д’, в метаязыковой фонетической системе европейских языков, традиционно значима как некая принадлежность собственно к ‘дереву’ и, как следствие того, к ‘креа-

Карёза имеет значение не только „сойка”, но и „задорный, капризный человек”. Так же, как и **карзуй** – слово с неясной этимологией. Заметим, что капризность и вздорность – традиционно считаются также свойствами **кошки**. А это уже совсем близко к помощницам ‘домового = дедушки’, **ко(а)ргорушам**, представляемым, в частности, в образе **черных кошек**, вредных, драчливых, **пакостных**. Последнее понимается при этом в обоих смыслах: 1) пакостят в доме, т.е. от них одна грязь и убытки (все крушат, ломают); 2) способны на любые пакости (подлые выдумки, проделки, обман). Впрочем, ‘чернота’ как признак **кошек** = **ко(а)ргоруш** необязательна, поскольку пакостят они по ночам, в то время как: *Ночью все кошки серы*. Возможно⁴, что данный текст пословицы первоначально фиксировал и сохранял именно представление о помощниках *дедушки-домового*. Само же свойство ‘серость’ соотносит в мифофольклорном контексте данное животное, **кошку**, – так же, как **мышь** и **крысу** – с пограничным временем (между днем и ночью, вечером) и пограничным пространством (между этим и тем, между миром живых и миром мертвых, пространством нечеловеческого, потустороннего).

Далее обратим внимание на то, что **карелый, корелый** (бранное) – грязный и гадкий⁵. **Каренга** и др. слова того же корня связаны с представлениями о „кривом и сучковатом дереве, негодном для постройки дома; сучковатом обрубе дерева; пне”, а значит – о ‘мужском мертвом, лишенном креативной силы жизни, не способном к продолжению рода’. В то же время слова с корнем **карж** соотнесены с 1) железом, кузнечным делом и окалиной; 2) кладовой и подпольем; 3) чадом и смрадом; 4) а также с неким **водяным** растением, близким **тростнику** и **камышу**.

Коржава – топкое место, *железистое болото*; у В. Даля – *ржавое болото, мочажина с болотной железной рудой*. По Далю, **коржавый** – ржавый, грязный **ко+ржа, ржавый**. По М. Фасмеру, а также по А. Потебне, **коржавый**, от **корж**, имеет значение „сухой, сморщенный, жесткий”. **Коржаверть** – твердеть и, очевидно, сохнуть, ссыхаться (как, напр., *корка хлеба*). В свою очередь, **корж** (вид лепешки, испеченной на сале, первоначально в золе), а *смолен. коржень* (сухарь), *зап. коржак*

тивному мужскому началу’ (*дуб*), его ‘твердости и негибкости’ как значимых качеств *дуба* (= мужского).

⁴ А на наш взгляд – и вполне вероятно.

⁵ Ср. также семантические связи лексем **касть** – **пако(а)сть**, как название „мыши”, „гада” – **кащей**, он же **кощей**, в тех же значениях „нечистый, грязный”, „гадкий”. Традиционный контекст – ритуально непригодный. Отметим также функциональную общность в фольклорной сказке **ко(а)шея** и **кота**, напр., **кота-медного лба**, огненного летуна.

(пресная лепешка, засушенная лепешка на *сале*⁶), проявляет своими свойствами ‘округлость формы’ (зн. 1: круглый хлеб; булочка) и ‘невсхожесть теста’, без дрожжевой опары (зн. 2: пресный хлеб; худой, тощий). **Корж** же считается родственным к лексеме **корга** (кривое дерево, **коряга**, и старуха, **старая ка(о)рга**). В сказке девушка, отправляющаяся в долгий путь, или путешествие-инициацию, должна *сбить три посоха (железных), сносить три пары башмаков (железных), сгрызть три хлеба или коржа (также железных)*. Только тогда она достигает *избушки бабы-яги*, в некоем нечеловеческом пространстве, обладающем признаками **железного царства**.

Как видим, часть слов, восходящих к славянскому корневому – и семантическому – комплексу ***карг-** / ***корг-**, так или иначе соотносятся с древними мифологическими представлениями о ‘мокрых девах’ (лесных источников, болот, озер) и ‘болотных кошках’, либо ‘утках’ и проч. Все они, особенно **болотные кошки**, соотносимы со сказочными представлениями о ‘заточении ка(о)щей’ (в подвале, погребе, подземелье) и, одновременно, с представлениями о том, что **кошки** всегда представлялись славянам ‘лакомыми’ и ‘любительницами’ (= разорительницами, **разрушительницами**) кладовых и погребов’. Это могло бы объяснить такое словообразовательное сочетание в языке как **ко(а)рго** + **руши**. Обратим внимание на древнерусское языковое тождество лексем **рушить** = **есть**: *Рушай (Ешь) варёно, слушай говорёно; Богатый сядет кушать, есть что рушать; Кушайте, гости, не стыдитесь, рушайте гуся, не студите!* Ср.: *Камень не человек, а и тот рушат; Не рушь бабьих груш; сам потряси, да бабе поднеси!* В первом случае в значении ‘крушить, разрушать, уничтожать’, во втором – ‘самому трогать, брать без спроса, а также, о *грушах* – рвать тайком’ (в прямом смысле и в эротическом).

Но вернемся к словарю М. Фасмера: **карзина** – вход в подвал (*тверск., вышневолоцк.*), а также **каржина** – кладовая под полом, подполье; **карзин** – вид погреба (*новгородск., валдайск.*), пространство под полом (*вепс.*,

⁶ Возможно, что данный традиционный контекст объясняет непонятные для современного языка паремии: *Знает кошка, чье сало съела; Любит, как кот сало.* (‘Сало’ в фольклорной традиции – нечто ‘сексуально грязное, развратное’.) Ср.: *Захотел от кошки лепёшки, от собаки блина* или *блинов* (она их раствором вылакает; в растворе вылакает); *Не спрашивай у кошки лепёшки, у собаки блина.* Напрашивается семантическое тождество **лепешка (на сале) = корж**. В свою очередь, *Надолго собаке блин (только раз глотнуть); Обрадовался, что собака блину.* Особый интерес для анализа представляет в таком паремиологическом окружении пословица **Блинами промишть, лепёшками покрыть**, связанная с погребальным и поминальным обрядами. Ср. о покойнике, в пословице: *Что ни гость, то постелька (венцы и мох в пазах)*, т.е. в гробу лежит. Примета: *Дятел мох долбит в избе – к покойнику.* А также: *На одном месте и камень мохом обрастает; Мохом поросло, не видать*, о могиле и мертвых, лежащих в земле.

олонецк.). У В. Даля: **карзина**, *твр.* – „лаз в подполье, западня, люк”, что можно было бы определить также как некий *потайной кош*, *вырытый в земле*. В свою очередь **корзина**, по Далю, – это „**кошница**, плетенка, мостинка, пестер; укладка разного вида, сплетенная из прутьев, из стеблей, соломы, **коры**, **кореньев**, драни и пр.”

Сопоставим, в связи с этим, тексты таких пословиц: *Идёт княгиня: на плечах корзина, а в корзине мякина. Княгине княжа, кошке котя, а Катерине своё дитя (милее). У княгини ребя, у кошки котя – таково же дитя. У княгини княжа (княжата), у кошки котя (котят) – тоже дитя. Князю княгиня (мила), крестьянину Марина, а всякому своя Катерина*. Из них следует, в частности, что лексемы **корзина** – **княгиня** – **кошка** находятся в некоем общем семантическом ряду традиционного контекста. Очевидно также некое функционально-семантическое тождество **кошка** = **княгиня**. При этом метазнак **княгиня** выступает как значимый элемент обряда *свадьбы*. Заметим также, что сама **кошка** в фольклорных текстах непосредственно не вступает в отношения с **корзин(к)ой**, но часто оказывается рядом с лексемой **лукошко** (сплетенном из более *мягкого* материала и потому близкого к семантике лексемы **кош** – мешок и карман, т.е. как бы „мягкая корзина”): *Кошка в лукошке ширинки шьёт, кот на печи сухари толчёт. Сам на кобыле, жена на корове, ребята на телятах, слуги на собаках, кошки на лукошках*. Часто *кошка спит в лукошке*.

Лексема **лукошко** образована, как уменьшительное, от **лукно** и, соответственно, от **лука**, в значении ‘изгиб, погиб, кривизна, излучина’. По В. Далю: **лукно**, *пск.* **луконце** – 1) плетенка, корзинка из прутьев; лукошко, гнутый кузовок (*ниж.*); 2) обручная посудина (*арх.*); 3) мера емкости, на мед, икру и пр. (*стар.*). То же – мера хлеба, в *сербрхарв.* (по М. Фасмеру). **Лукошко** – 1) гнутый коробок, кузовок; 2) обечайка с доннышком, из дранки, лубка, бересты. По назначению своему, зовется также: **набирка** (в нее набирают что), **мостинка** (дно вымащивают листьями), **ималка** (в ней то, что нашел, положил и имеешь), **ягодница**, **грибовница**. По материалу – дранка, луб(ок), береста – проявляет традиционную соотношенность с ‘мертвым родовым, умершими своего (а, возможно, и не своего) рода’.

Далее, в этимологическом словаре находим слово **корга**: а) ворона⁷ и старуха (**корга** и **карга**); б) риф, отмель, утес под водой (*арханг., олонецк.*) и каменистый отлогий берег (*сиб., байк.*); в) дуга, кривое дерево и древесный ствол, затонувший в реке (все равно, что **отмель**, связано с **корень**). Однокоренным к нему будет просторечная лексема **корёга** – дерево с корнями, плывущее по реке, как нечто старое, мертвое, деревянное, но цепкое, „когтистое”, раздирающее и утаскивающее на дно,

⁷ Ворона, как и ворон, еще представит для нас ниже самостоятельный интерес.

в царство смертного сна. В свою очередь **корёжить** – скрючивать, трясти (о *лихорадке*)⁸.

Все это интересно сопоставить с такими, уже упомянутыми выше, мотивами сказки, как: 1) ‘железные хлеба (коржи)’, которые нужно ‘изгрызть’ по пути в ‘царство ко(а)щея’ (лежащее за ‘железным = ягиным’); 2) ‘железные башмаки’, которые нужно износить девушке на пути к ‘ко(а)щею’; 3) ‘армия яги’ как некое множество, несущее смерть живому. Множество это, между прочим, **шьют сапожники** из ‘голенищ ягиных сапог’, вероятно железных. Ср. фольклорное: *сапожки у кошки*; **кот-в-сапогах** (причем в *сапогах-скороходах*; летающий **Медный лоб**). Но здесь рассмотрим интересующие нас метазнаки в несколько ином мифо-фольклорном ключе. Так, **корж**, как известно, лепешка, испеченная на сале. Традиционно это – *женское для мужского* и *живое для мертвого*. А если уточнить, то мертвое родовое, питающее *силу жизни* в девушке, идущей *дорогой смерти в царство смерти и мертвых*. И **корж** как сухарь, что родственно – сухому дереву. Сродни названию ‘пресного хлеба’ у *финнов* (традиционно **пресное**⁹ = **мертвое**). Отсюда ‘корка хлеба’ = ‘мертвое родовое’ (ср. в обряде *свадьбы*).

Посмотрим дальше: **коржаки** – женские башмаки (*олонецк.*); **каршаки** – сапоги без **голенищ**, *каргапольск.* (напомним здесь сказочное *войско бабы-яги* из ‘голенищ ягиных сапог’). И **коты**, в северных наречиях, – вид женской обуви, полусапожки; сапоги из толстой юфти; мужская верхняя обувь. Т.е. последнее традиционно значимо как ‘женское для мужского’. У *коми*, напр.: **кот** – обувь из одного куска кожи, валенки, т.е. то, что валяется (вальком), валенная шерсть (или традиционное ‘женское для мужского’). Эротическая символика неслучайна – вспомним хотя бы гиперболизированные представления о ‘развратности кошки’. Интересно, что **коты** также – закол для ловли рыбы (**котец**; **кош** и **кошка** – *песчаная мель*; подводные *камни* в море, которые видно только при отливе, а также *плеть* и *якорь*). В контексте фольклорной традиции связь между **котами-башмаками** и **кошкой** несомненна, и приведенные доказательства не

⁸ Напомним: **коржава** – топкое место, железистое болото (**коржавина**, **коржевина**, **куржевина**: **ко+ржа**, *ржаветь*; **коржавый** – ржавый, грязный; традиционно ‘лес яги = железное царство’). **Коржавый** – сухой, сморщенный, жесткий; **коржаветь** – твердеть (т.е. ‘высыхать = умирать’). А *лихорадки*, в традиции, – персонификации болезней и смерти. Их, *сестер Иродовых*, **двенадцать**: *лихорадка*, *лихоманка*, *трясуха* / *-чка*, *гнетуха* / *-чка*, *кумоха*, *китюха*, *желтуха*, *бледнуха*, *ломовая*, *маяльница*, *знобуха*, *трепуха*. На наш взгляд, *китюха* может быть соотнесена с представлениями о *кошке* = *смерти*.

⁹ *Всхожесть* *кваши* – *всхожесть* *теста*, *хлебов* традиционно ассоциируются с ‘силой жизни’, ‘продуктивной силой *женского*’ (креативного начала), с чем мы сталкиваемся, напр., в обряде *свадьбы*.

единственные. С той же эротической традиционной семантикой соотносится значение лексемы **корёга** – 1) искусственная ледяная гора (для скатывания с горы на санках; *арханг., вологодск., кадниковск.*) и 2) детские санки (*новгородск. вологодск.*), т.е. ‘женское для мужского’ ‘доступное’ и ‘добрачное’ или ‘внебрачное’. Ср.: тексты любовной лирики, а также связанные с обычаями *масленицы*.

Сопоставим все это также с эротической символикой **кота** и **кошки**, нередко соотнесенной в фольклоре со свадебными мотивами, пестованием новорожденного дитяти, а также с чествованием *молодых*, в течение первого года брака, что, к сожалению, в традиции сохраняется лишь как реликтовые следы (*Люб - Любушка*¹⁰). В том же контексте интересно было бы рассмотреть соотношение корней ***люб-** и ***луб-** в мифофольклорной традиции восточных славян. Так, **кот**, напр., является частым персонажем русского **лубка** (в этимологическом словаре П. Черных – „примитивной по исполнению народной картинке, обычно раскрашенной гравюры, сначала вырезывавшейся на *липовой доске*”). В один ряд со знакомым уже **лукошком** (в народных *пестушках* – **кошкиным**) выстраиваются следующие лексемы, имеющие в традиции мифосемантическое наполнение: **луб** – кора, лыко (чаще всего *липы, вяза*); **лубочка** – корзина из коры березы; **лубянка** – корзина, лоток, желоб из **луба**. В этимологическом контексте **луб** семантически связан с ‘верхней доской’, ‘дощатым потолком’, что в традиции *погребального обряда* ассоциируется с **крышкой гроба** (*гробовой доской*). В то же время, известен древнейший обычай захоронения тел *на деревьях*, в мягких **плетеных корзинах** либо зашитых в *шкуры животных*¹¹.

При сопоставлении с приведенным ранее языковым материалом, **корза**, **корса** – каменная гряда поперек реки (ср.: *отмель*) и **корза** – сварливая баба, вопреки мнению Фасмера, конечно же, проявляют семантическую общность а) с **каргой (коргой)** = вороной и старой бабой, а соответственно и б) с *украинскими* **корзати, корзити** – морщить, плести; а также в) с *литовскими* **karsti** – быть престарелым и *karse* – старческая слабость (по Агрелю и Потемне). Кроме того, **корзно** и **корзень** – плащ с меховой опушкой (с однокоренными в других славянских языках словами со значениями „мех”, „шкура, скорняжная кожа, мех”, „полушубок”). А **мех** проявляет связь с традиционным ‘женским для мужского’, эротическим и брачным, или тайным брачным – с **овчиной** и **кошкой**,

¹⁰ См. последний раздел данной статьи, а также последнюю сноску к работе.

¹¹ След второго обычая мы находим, в частности, в сказках братьев Гримм, Перро, Андерсена. У восточных славян чаще встречаем следы первого обычая: героя сказки, напр., поднимают из-под земли (из дыры, колодца) в *плетеной корзине*. При этом братья часто перерезают веревку, чтобы корзина упала вниз, а герой остался *на том свете*.

либо **котом**. Украинское **корзати (плести)** прямо соотносимо с корзиной (из ивовых прутьев). При этом **ива** есть ‘мертвое родовое (женское)’.

В мифофольклорной традиции **корзина** и **короб**, так же по традиции “плетенный (из **луба**)”, есть ‘пространство смерти’ (*времени смерти*). Обе лексемы, кстати, образованы от слова **кора**. И это *пространство мертвого* и *мертвых*, соотносимо с ‘кладбищем’, ‘погостом’, ‘могилой’. Более того, и **корзина** и **короб** в старину были значимы как ‘верх саней’, на которых доставляли *покойника* на ‘погост’¹². Ср. в *литовском*, где однокоренные слова имеют значения ‘сани с одним верхом’, ‘коробочка из древесной коры для *ягод*’, ‘корзина из прутьев’. А **ягоды** в любом фольклоре значимы как ‘живое молодое и зрелое, пестуемое мертвым родовым, добрачное’. **Корзоватый** же – ‘шероховатый или шершавый’, а также ‘обросший мхом’. ‘Шероховатость’ же восходит, по мнению А. Потебни и А. Преображенского, к ‘пестрому’ и ‘пятнистому’¹³ (напр., в *литовском*). *Обросшее мхом* – в традиции ‘мертвое’, а также нередко ‘женское, защищенное мертвым своего рода’. Возможно и как ‘женское мертвое’, напр., ‘избушка яги’.

Кот и кость – семантическая близость двух метазнаков. Сначала ответим на вопрос: почему **Ко(а)щей Бессмертный** русской сказки так легко “оборачивается” **Котом-Медным лбом** или **Кошем**, который и является, собственно говоря, корнем-основой для слова **кошка**: **кош+к+а**? И от какого **коша**¹⁴ образованы слова **кот** / **кошка**? Для записи текстов восточнославянской сказки характерно двоякое понимание **ко(а)щей** = **кота (медного лба)** = **коша** – а) как субъекта нарицательного характера,

¹² Здесь следует вспомнить о семантике лексем **лукно** и **лукошко**, в значении **короб(ок)**, из **луба**, **бересты**, **дранки**.

¹³ Вспомним, что **пестрота** и **пятнистость** актуализировались в архаических представлениях славян как традиционные ‘свойства кошки’, и особо о них можно говорить относительно ‘рыси’ и сказочной ‘Арыси = женщины-кормящей кошки’ (см. одноименный сюжет русской сказки). **Арысь** представляется при этом **рысью**, **пестрошкурой** и **белоглазой**, и, одновременно, **болотной** / **лесной девой-кошкой**. [Тамкредидзе, Иванов 1984: 510–512].

¹⁴ До сих пор еще не изучено влияние на древнерусский язык культурно-языковой традиции древнееврейской, в то время как Киев-град был метрополией многоязычной, многокультурной, в которой язычество славян мирно соседствовало с молодым христианством и с архаическими традициями – как иудаизма, так и мусульманства. Обратим здесь внимание только на то, что семантическое тождество в славянских языках корней ***кис-** (**киса**, **кисет**, **кишень**, **кишения** и **киса**, **киска**, **кисонька**, **кис-кис**) – ***кош-** (**кошка** / **кот**, **кошурка**, **кошак**, **кош(и)енок** / **котенок** и **кош**, **кошель**, **кошелек**, **кошелка**, **кошик**, **кошница**, а также **старая кошелка**, старуха) объяснимо, если возвести оба корня к семитскому пракорню ***kis-**. Ср. древнееврейское: **кисейрош** (**кис+ей** + **рош**) – как **карман**, **мешок**, **плетенка** (типа **корзинки**) для **головы**, т.е. для **волос замужней женщины**. Это традиционный женский головной убор, функционально близкий головному покрытию у замужней женщины в славянских культурах. Ср. также: **(Как) Кот в мешке**.

или три фольклорно-языковые проекции одного традиционного смысла ‘кот(кош)’, и б) как синонимичные имена собственные данного сказочного персонажа, мифического „кота-кощея”. При этом **кощей** будет ‘мертвое, несущее оцепенение’. **Кот (медный лоб)** – ‘страшное, испепеляющее огнем’, ‘несущее смерть’. **Кош** – ‘цепкое, хваткое, жестокое’ и ‘когтистое’ (как сама смерть). Ср. в сказке: *схватил(а) в мешок (= кош) и уволок(ла)*.

Устойчивы выражения и связанные с ними представления: *попасть смерти в лапы*; *смерть забирает в мешок* (а **мешок** = **кош** и **кошель**, мягкая корзина, плетеная или сшитая из кож, возможно **кошачьих**, как считают некоторые источники). Она никогда не отпустит: *Смерть (или Земля) всегда возьмет своё*. У европейцев то же самое говорится о *могиле* (т.е. о *могильной земле*). Ср. также пословицы: *Мёртвый (или Мертвец) у ворот не стоит, а своё возьмёт*; *Смерть не всё возьмёт, только своё возьмёт* (т.е. *плоть*); *Крепко, крепко, а земля своё возьмёт*; *Вода своё возьмёт*¹⁵; а также, на первый взгляд, противоположное: *Смех тридцать лет у ворот стоит, а своё возьмёт*. В последнем случае возможно замещение метазнака **смех** на метазнак **вода** (как основание для такой подмены, напр., – выражения *прилив смеха, неудержимый смех*).

Итак, и тот и другой подход (субъект и имя субъекта), на наш взгляд, равно возможен, поскольку любой субъект сказки, одушевленный – *Волк, Лиса, Медведь, Ворон Воронович, Мышка, Царь, Дед, Дурак, Змей Горыныч*, либо неодушевленный, но персонифицированный – *Камень, Клетка, Соломинка, Колодец, Яма, Кольцо, Платок, Вода, Река, Море-Океан(ович?)*, *Ветер, Гора, Мать-сыра земля*, традиционно является именем того или иного мифического существа, силы, проявления нечеловеческого¹⁶.

А. Пеньковский, напр., определяет такое явление как *персонифицирующие именования*, явление специфически русское. И динамику развития их в языке фольклора видит „от морфологических вокативов-персонификаций типа *месяцу-месячку!* через синтаксические вокативы-персонификации типа *месяц-месяц!* к квазиантропонимическим персонификациям типа *Месяц Месяцович!*” [Пеньковский 2004: 370–373, 375–377.]

Но обратимся снова к толковому словарю В. Даля:

„**Кашей** (см. **касть**) – сказочное лицо, в роде *вечного жида*, с прилагательным *бессмертный*; вероятно от слова **кастить**, но переделано в **кощей**, от **кости**, означая изможденного непомерной худобой человека,

¹⁵ Говорится о человеческой жертве, об утопленнике и о весеннем разливе, наводнении.

¹⁶ Что косвенно отражено, в частности, у А. Афанасьева в его *Указатели имен и Указатели предметов*.

особенно старика, скрягу, скупца и ростовщика, корпящего над своей казною. **Кащей стар.** – смерд, подлый раб. **Кащей** – сам с ноготь, борода с локоть, пуга (бич) в семь сажень. **Кащейка** – скупая, весьма худая старушка¹⁷. **Кащеев, кащейкин** – ему, ей принадлежащий. **Кащейский** – кашеям свойственный. **Кащейный** – к ним относящийся. **Кащейть** или **кащейничать** – скряжничать, жидомордничать¹⁸. И затем: „**Кащейничанье** – скряжничанье. **Кащейство** – то же, более в отвлеченном значении. **Кащейник** – кто кашейничает”.

Происхождение слова **кащей**, или **кощей**, от слова **кость** подтверждают и Фасмер, и другие источники. Но пойдем далее по пути отсылок словаря В. Даля: **касть** сокращение из **капость**; **пакость**, мерзость, гадость, скверна; **паскуда**, нечистое, поганое, сор, дрянь, сметье, сметки¹⁹. **Скасть череповецк.** – змея (М. Фасмер). **Касть твр.** – мышь, крыса, гад. **Касть арх.** – грязь, распутица. **Касть юж.** – негодные остатки на бойнях. Ср.: *мясо и мясные обрезки*; а также пословицу *Не мяскай, кошка услышит!* **Касть твр., пск.** – порча, прокуда, вред, убыток. (Напр., битая **кошками-коловершами** посуда в доме.) Обратим внимание на примечание самого В. Даля: „Если **касть** и одного корня с **кость** (нпр. **кашей** и **кощей**, **кастеря** и **костеря**; в заговорах: **все кости** и **пакости**), то в производных, эти две ветви должны различаться. **Кастный твр., пск.**, **кастной вост.** – **кастливый пск., твр.** – пакостный, мерзкий, скверный, поганый, нечистый. **Кастный гад** – мышь. **Кастить** – грязнить, гадить, пакостить; марать, сорить; бранить, ругать кого, сквернословить. **Кастить** – испражняться, особенно о больном или о ребенке. **Кастеня, кастенок нвг., пск.** – **бранное** – мерзкий ребенок, пакостник, нечистый, который не просится”.

Кошка – это традиционно животное ‘нечистое’, которое все ‘пакостит’. Она все портит, паскудит, пачкает, рвет и т.д. В статье о **кошке** в словаре Даля находим следующее: **Коша, кошеня** – *юж.* котя (котенок). **Кощенка, кощеночка** – *умалительно*. (Напрашивается вопрос, не дочь ли это **Кашея**, **Кота** и **Коша** в текстах восточнославянской сказки?) Итак, **Кош, Кошей** (от **кость**, т.е. **кош** = **кот**) и **Кащей** (от **касть**, т.е., по Фасмеру, подлость, низость). **Кастный** – подлый, *диал.* **Касть** – нечистоты, вонь (соотносится по семантике с лексемами **костить, кошун, пакость**). А потому и может рассматриваться как аналог мифического славянского **огненного гада** – **Змея (Горыныча; Огненного)** и **Огненного**

¹⁷ Ср. в сказке: (баба) *яга-костяная нога*.

¹⁸ Или *морить жидким*, держать на жидкой еде (объяснение на основании материала словаря Даля).

¹⁹ Как не вспомнить украинских **потерчат** – образованных, по поверью, от „сенной трухи возле стогов”? Кстати, само название этих *душков* образовано от слова *порча* (вред, убыток).

Волка = Кота (= Волка) – Медного лба, и т.п. Он же вступает в традиционные, парадигматические по нашему определению, отношения с **медведем** (или **медведицей-андрогином**) = **костромой**. См. у Даля: **кость** и **костра** (и **кострома**) как производные одного изначального корня.

Ко(а)щей, медведь (-ица) и крокодил в архаике восточнославянской культуры. Фонетический комплекс, семантику которого определяет набор и сочетание, или – как возможный вариант – сложение, традиционно осмысленных звуков-фонем, мы, в контексте данного лингвокультурологического и этнолингвистического анализа, назовем для себя условно этимологическим корнем²⁰, определяющим в дальнейшем семантику своих производных. Сложением этимологических корней, т.е. фонем, осмысленных традицией, дает лексическое многообразие современного языка (любого), причем слова, в основе которых заложен общий этимологический корень или корни, уже не мыслятся как однокоренные.

Так, в русской сказке, и мифологических представлениях славян в целом, **медведя** со **Змеем (Ко(а)щеим)** роднят а) 'обитание в берлоге', б) 'страшная (нечеловеческая) сила' и в) 'магическое знание' (сакральное знание архаического коллектива). Причем знание это выступает как некий древнейший закон, данный первопредком, 'медведем' и 'змеем', или **русь = коркадилом** (*др.-русс.*), **праящером = пращуром**, позже **Яшей**. Оба, **медведь** и **змей**, семантически соотносимы с 'грязью' – навозом, калом, мокрой вязкой землей. Ср. *латинское*: **rus, ruris** – земля, поле, деревня.

Очевидно, **медведь** (как живое животное и как мифический андрогин) противопоставлялся некогда **медведю мертвому = костроме**. И противопоставляется он **костроме** – жертвенному животному = заместителю божества-медведя в традиции **медвежьего праздника**, *белорусской комоедицы* (25 марта; *Благовещение* – третья встреча весны, связанная с множеством запретов; птиц на волю отпущенье). А точнее – противопоставляется он **медведице**. Поскольку, если из **андрогина (медведь + медведица)** „изъять” 'силу жизни', т.е. *мужское*, живое и креативное, то останется в нем только 'сила смерти', т.е. *женское*, мертвое и деструктивное. Или останется собственно **медведица = кострома**. По Б. Рыбакову, **Костро+ма – мать колосьев**. [Рыбаков: 1988: 154.] *Сжигание соломы*, тем

²⁰ Примером могут служить слова, в которых 'Л' представляется неким семантическим комплексом 'функционально эротического, активного и динамического': 'Л(О)' и '(О)Л' – 'фаллического' и 'мужского', а 'Л(А)' – 'вагинального' и 'женского'. Ср.: *Лопата, Лось, Ложка, Лоб, Лом, Лодка, Лодья, Ловля, Лоно* как 'женское для мужского активного', *Локоть* и проч.; а также *чёлн, Олень, Оляха* (мертвое, в котором мужское преобладает над женским), *воЛга* и др.; *Ладонь, Ладья* (женское для мужского, в котором главное – женское начало, полное и потенциально живородящее), *Лань, Лад, Ласка, Лакомый, вЛага, Ларь, саЛазки*; а также *сАло, АЛый, кАл, кАЛеный, кАЛина, кАЛитка* и проч., где '(А)Л' дает 'преобладание в мужском женского'.

самым, в процессе *проводов Костромы* значимо как завершающий этап прошлого урожайного года и конец *зимних запасов*. Ср., у него же: **Ма+кош** – *мать урожая* [Рыбаков 1988: 133], или *корзины-коша урожая*, т.е. **Мать-сыра-земля**.

Сравним у Б. Рыбакова: „...самая замечательная находка Благовещенской горы (в Брянском Полесье) – горловина огромного толстостенного глиняного сосуда в виде головы медведя с широко разверстой пастью. ...С Артемидой (так называемая „богиня с медведем“) связано создание созвездия Большой Медведицы. Артемиде был посвящен месяц артемизон – март, время, когда медведи пробуждались от зимней спячки. По солнечным фазам это совпадало с весенним равноденствием около 25 марта.” [Рыбаков 1988: 157–158.] И далее там же: „Очевидно, святилище было посвящено женскому божеству, аналогичному Артемиде”, а также: „В связи с этим приобретает смысл и современное название горы со святилищем – Благовещенская”.

У Рыбакова же находим, что святилищу *Перуна* по времени предшествовало создание на Киевской Руси святилища некоего **крокодила** (которого сам Рыбаков соотносит с *островом из красного гранита в форме ящера на реке Росе, где было обнаружено древнее капище*) [Рыбаков 1988: 206–207]. Аналогичной – *крокодилей* или *ящерной* – формы остров расположен также на Днепре, у самого Киева. Но на *пастырских* и *киевских фибулах* **ящер** заменен женской фигурой **Макоши** [Рыбаков 1988: 204], ее, вероятно, и следует соотносить с *медведицей*, *комоедицей* и *костромой*. От себя же добавим следующее: если *медведица* (как ‘умерший, или убитый, медведь-тотем’²¹ и одновременно как ‘воинствен-

²¹ Ритуальное публичное *убиение медведя*, как вершение божественной судьбы, знак рока (= жребия), совершалось у восточных славян ежегодно 25 марта, на „медвежьем празднике”. **Медведя (медведицу)** приносили в жертву, а мясо его поедали. В процессе реставрации славянского и общеевропейского *народного*, т.е. *мифологического, календаря*, можно сделать следующий вывод: с момента появления на свет медвежонка до убийства его, уже выращенного и обученного человеком „комедии”, каждый раз проходило определенное мифическое ‘время’ (полный цикл жизни, от «точки» рождения до «точки» смерти). А именно – проходил *двадцать один месяц*. Этот период времени охватывал *июль – (март) – (июль) – март*, т.е. ‘семь (малых) лет жизни’ или *полноту* ‘жизни человека’, т.е. ‘жизни (медведя) среди людей’. За ‘год’ традиционно принимается цикл ‘три месяца’ (круглого года – при *четырёхчленном* его делении: *весна – лето – осень – зима*) либо же цикл ‘четыре месяца’ (при *трехчленном* его делении: *весна – лето – зима*). Ср.: традиционная семантика ‘полноты и завершенности’, или *числа 21*. Между ‘проводами’ (изгнанием) той же *костромы* = *медведицы* (или *костолома* = *коструба* = *медведя-андрогина*, что одно и то же) и ‘похоронами’ ее – то же традиционное расстояние, в ‘три месяца’.

С точки зрения этимологии имен **Ко(а)щей (Кош)** и **Кот (Волк)-медный лоб** интересно обратить внимание на следующее: в *древнерусском языке* **ЛЪБЪ** означало ‘черепа’ (так же, как в *старославянском* – **ЛЪБЪН**). В то же время **КЪШЪ** – ‘жребий’ (ср.: основной мотив *медвежьего праздника*), то же в *церковно-славянском* и *среднеболгарском*.

ная смерть' – 'ходячая смерть-ломота и мор', и *коровья*²² *смерть* в том числе) проявляет свою связь со сказочной, нечеловеческого роста, *девой с косами*, шагающей под палящим солнцем через межи, с *коробом* за плечами, и убивающей заснувших в страду жнецов, то таинственный киевский *крокодил (ящер, змей)*, связанный одновременной с *водой, горой* и *камнем*, узнаваем как *Змей Горыныч = Кот (= Волк) Медный лоб = Ко(а)щей (= Кош) Бессмертный*. А это персонификации *Перуна-громовержца* и заместившего его позже *Ильи-пророка (грозный; разъезжает по небу на огненной колеснице)*. И дева (*с косами и коробом за плечами*), безжалостно *косящая* жизни, появляется на нивах, по поверью, в календарные дни культа *Ильи-пророка = Перуна*.

Собственно говоря, *девушка с косами* славянских сказок является аналогом греческой *Артемиды*, т.е. воинственной и смерть несущей живому *Луне*. Тем самым, она оказывается *женским*, в коем преобладает *мужское*. Она жестокая *дева-охотница* и благосклонная *покровительница = хозяйка зверей*. Следует предположить, что последняя и есть таинственная *хозяйка кошек*, т.е. 'хозяйка всех звериных смертей', а у каждого зверя должна быть своя 'смерть-кошка'. Ср. пословицу: *Страшнее кошки зверя нет*. След этой мифической постати, от которой зависят *девять смертей кошки*, находим только в одном архаичном обычае. *Кошкодав*, он же *кошатник, кошкарь, кошкадер*, – человек самой презираемой и страшной профессии. Интересно было бы в будущем проследить его семантико-функциональное соотношение с *ко(а)ще*ем, 'всеобщей смертью'. Но и он не смеет *убить кошку*, не сказав при этом заговорной формулы: *Не я бью, хозяйка бьет!* Она, на наш взгляд, и появляется в единственном сказочном тексте под именем *Арыси*, 'лесной девы' (видимо, *дикой кошки*, или *девы-рыси*).

В то же время *мертвый медведь (убиенный в праздник)* – еще более страшное тотемное божество славян, и особенно руссов, именно он соотносим с *ко(а)ще*ем, т.е. со 'скелетом' и 'живою, т.е. неуспокоенною и неумною смертью' (зверь, мстящий своим убийцам). Ср. в сказке: *медведь-липовая нога*. В народной традиции всегда подчеркивается некое тождество между 'медведем' и 'человеком', а также то, что *скелет медведя* „неотличим” от *скелета человека*. Кстати, традиционно *Ко(а)-*

КЪШИТИ(СЯ) – 'бросать или метать жребий'. Слово же **жребий**, в ряду лексем **жрец** – **жеребевка**, восходит к общему корню со словом **жеребец**, поскольку для гадания о жребии в древности использовали **конский череп**, из которого *тянули жребий*. Семантическая связь 'жребия' и 'дерева' (по П. Черных) мифологически оправдана традицией. Сказочный мотив 'кобылий череп' соотносим как раз с идеей непредсказуемой *судьбы*, безжалостного **рока**.

²² Если (*ходячая*) *коровья смерть* – это *медведь* или *медведица*, то под (*ходячей*) *овечьей смертью* в народе подразумевается *волк*. И здесь мы вновь сталкиваемся с парадигматической мифической *близнечной парой медведь // волк* (демиург // трикстер).

шей Бессмертный представлялся также в образе ‘человеческого скелета’, а точнее – ‘медвежьего скелета’, столь же тождественных между собой как, напр., скелеты кошки и зайца, либо кролика.

Семантические связи Коша и рока: о царстве смерти. Общий для европейских народов семантический комплекс ‘жребий’, или *метание жребия* – *чёт* или *нечёт*, загадывание в будущее, в свою очередь соотносит мифического **Коша (Бессмертного)** русской сказки с **роком** – предначертаниями *жизни* и *смерти*, неумолимой судьбой.

Если в семантическом ключевом коде ‘животные’ *языка фольклора* (собственно коде ‘звери’ и подкоде ‘домашние’, точнее – ‘животные, близкие человеку’)²³ ‘рок’, как двуединство человеческой жизни и смерти, реализуется в метазнаках **кот / кошка**, то в собственном коде ‘птицы’ в языке фольклора он же, или тот же *традиционный смысл* (‘рок’), будет представляться мифической ‘огромной птицей, тенью покрывающей всю землю’. Это – **царица птиц**; она же может называться **птица Моголь** или **птица Гриб**, как гора огромная. И окажется, тем самым, мифической **птицей Смерти = птицей Судьбы и птицей Рок(ом)**. Т.е. традиционный смысл ‘рок’ в коде ‘птицы’ реализуется в пяти метазнаковых формах-дериватах: 1) **царица птиц (одаривающая)**; 2) **Моголь (прожорливая)**; 3) **Гриб (гигантская)**; 4) **птица-смерть (безжалостная)**; 5) **птица-рок (неотвратимая)**.

Позволим высказать предположение, что последняя могла в архаике своей иметь имя **птица Рокош(ь): рок+ош**; ср. *рокотать* (о *громе* и *Перуне-громовержце*). В словенском языке **рокош** означает „шум”, в древнерусском и других славянских – „мятеж, бунт”. Неуемные и кровавые, которые все сметают на своем пути. И тем самым вписываться в симметричную фигуру древнего пантеона страшных богинь **Мокош(ь) / Макош(ь)**, возможно представлявших парадигматическую пару-оппозицию: **мок+ош** и **мак+ош**; ср. *мокнуть* и *макать*. Возможно, что **птица Моголь** в сказке является более поздней персонификацией той же **Мокоши**. Просматривается и вероятное семантическое тождество лексем **мощь = мог(оль)**.

Традиционно **Мокош(ь)** составляет как бы некую демиургическую параллель с **Родом**, по принципу *женское* (продуктивное; мокрое, мягкое, грязное, холодное) – *мужское* (креативное; сухое, твердое, чистое, горячее). **Род**, сопровождаемый **рожаницами**, обеспечивает плодородие земли, размножение скота, продолжение человеческого рода. Ср.: *рог изобилия*; *рожь*; *урожай*; *род(ня)* и *роды* (у *роженицы*). В народных орнаментах *вышивки рожениц* о бок древа (*мира = Рода*) всегда две,

²³ Подробнее о *кодах* и *подкодах* метаязыка мифофольклорной традиции см. нашу монографию [Надель-Червинская 1996].

считается, что это *мать* и *дочь*. Можно предположить также, что это **Мокош(ь)** и **Макош(ь)**. В польской традиции сохранился также культ старинного божества **Роха**, от которого, в частности зависит всхожесть *гороха*. Казалось бы, на первый взгляд, парадигма дериватов **род = рок** в этом контексте была бы натяжкой. Однако **Род** и **рожаницы**, по традиции, *определяют судьбу* новорожденного и рода в целом, наделяют их *долей*, поэтому они функционально близки **Суду** и **суденицам** южных славян. Отсюда делаем вывод, что **Род** способен выступать как **Рок (судьба)**, а **Мокош(ь)** – **Макош(ь)** – как его помощницы, *рука левая* (карающая) и *рука правая* (одаривающая).

В свою очередь **Кокош(ь)** выступала, вероятно, в *космогонической* паре с древним **Куrom**²⁴ (брат и сестра), образуется сложением: **кок+ош**; ср. *кокать*, *кокнуть* (мгновенно убить, как **ко(а)щая** в сказке, *разбив яйцо* и *сломал иглу*, на кончике которой находилась *кощеева смерть*). В этот ряд традиции, очевидно, должна войти также такая фигура как **Кукош(ь)**, представленная в современном языке модифицированной формой **кукушка**, т.е. **куко(у)ш+ка**. Ср.: глагол *куковать*; а также: *(у)кокошить* и **кокошник** – женский головной убор, наравне с которым в традиции существует головной убор **кукушка**, или *повязаться кукушкой* (особая форма завязывания платка, замужней женщиной). Ср. также: *кукушкой* подвязывают челюсть покойнику в гробу.

Известны паремии: *Загону туда, куда ворон костей не занесёт*; *Куда Макар телят не гоняет*; *На кудыкину гору*; *(К) Чёрту на кулички*. Подразумеваемое в них в *царство смерти* и связь с **Кукошью** угадывается только в опосредованном *ку-*. В традиции *лубка* мы находим *волшебную страну Кукошь*, прямо соотносённой с **куканом** русской пословицы и с эвфемизмом (страна) **Тьму-Таракань** – как нечто неимоверно далекое, темное, нежелательное (*туда не доберешься, оттуда не вернешься*; царство **Кукоши**). В пользу существования некогда страшного *птичеголового божества Кукош(ь)* говорит и наличие в языке таких слов: **кукан** (на который все попадут после смерти, даже **сорока** и **ворона**), **кукиш** (абсолютизированное *ничто*), **куколь** (пустые семена злаков), а также **кукса** (без части пальцев, что напоминает *куриную лапу*), **кукла**. **Кукла** бывает соломенная, смоляная, в лоскутах и перьях. Она значима как *мертвое*, которым подменяют *живое*; как обличье *смерти*, которое сжигают или топят, либо, провожая, пускают плыть по реке, к морю.

²⁴ Ср. представления о **нави**, оставляющей на пороге бани множественные отпечатки *курьей стопы* и не имеющей спины. Все это делает восточнославянскую *навь*, а возможно и **Кура**, сопоставимыми с **Полпетуха** французской традиции. Отрезанная *половина петуха*, обшипанного и сваренного в супе, отправляется путешествовать по свету. Ср. поговорку: *Попал как кур в ощиц*, в первоначальном, не искаженном в недавнем просторечии, правильном варианте.

Кукарей – народный эвфемизм, называющий *петуха*, по признаку *кукарекать*. *Кукарей* воинственно ходит, как *смерть*, с *косой на плече*; семантически близок *Куру*.

В семантическом ключевом коде ‘стихии’ языка фольклора, характерном для языка фольклоров славян, тот же *ко(а)щей* будет *Ви-х(о)рь*, *Посвист*, *Похвист*, *Позвизу*, *Соловей Разбойник* и проч. А в семантическом ключевом коде ‘божество (божества)’, в коде ‘мифические существа’, традиционный смысл ‘рок’ – как синтез *жизни* и *смерти* – реализуется в метазнаках *Кош* (*кот* и *жребий*; причем последний может также выниматься *из мешка* = *коша*), *Кот (медный лоб)* и других его мифических аналогов. Очевидно, сам *Кош* соответствует *центру* традиционной пространственной модели мира (ММ), т.е. *пространству смерти*, а *Кот-Медный Лоб* – ее *западу*, пространству магическому. Так же, как *Яга (костяная нога)* – соответствует в ММ *северу*, т.е. *пространству мертвого родового*. Как видим, основным семантическим признаком всех этих мифических существ (триады *кош* – *кот* – *яга*) является их соотнесенность с *костью*, а также *камнем* (*камни* = *кости земли*). *Камни* связаны с ‘запиранием воды’ (или сбережением ее, запрыгиванием). Традиционно прячется при этом *молодое женское продуктивное* (завидная невеста) и прячется от *мужской силы*, *фаллической* и *креативной*, – напр., от *коня*, пьющего воду и купающегося в ней.

Можно предположить также, на традиционном основании, что метазнак *ко(а)щей* в фольклорной сказке соотносит текст ее с семантическим комплексом ‘центр ММ’ (куда может долететь только мифическая птица *Моголь*). *Центр* – это *царство самой смерти*. Для этого метазнака традиционно актуализируется связь с *костью*. Тот же *ко(а)щей* соотносит текст с ‘западом ММ’, т.е. с традиционно ‘нечистым, грязным и *кошунственным*’, местом инициации молодого родового’ (мужского и женского). Это место приобретения магических знаний и, одновременно, место ‘грязной работы’. Здесь придется *чистить печь*, *мести пол*, беспрерывно *прясть*; *трясти перины*, *плескаться* – *стирать* – для девушки. Придется также *пасти коней*, *свиней*, *гусей*, *зайцев*, *чистить коней* и *конюшни*, *разводить огонь* и проч. – для юноши. Эти работы, или часть из них, причем определенная, выполняется у *яги* в ‘северной точке ММ’. Здесь ‘обретается сила мертвых своего рода’, а потому эта работа ‘чистая’ (иногда в текстах сказки даже подчеркнуто – ‘негрязная’).

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Н. (1865–1869), *Поэтические воззрения славян на природу*, т. 1–3, Москва.
- Байбурин А. К., Левинтон Г. А. (1978), *К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе*, [в:] *Русский народный свадебный обряд*, Ленинград.
- Богатырев П. Г. (1971), *Магические действия, обряды и верования Закарпатья*, [в:] П. Г. Богатырев, *Вопросы теории народного искусства*, Москва.
- Богданович А. Е. (1895), *Пережитки древнего миросозерцания у белорусов*, Гродна.
- Боровский Я. Е. (1965), *Мифологический мир древних киевлян*, Киев.
- Вежицкая А. (1997), *Язык, культура и познание*, пер. с англ., вступ. статья Е. В. Падучевой, Москва.
- Волоцкая З. М. (1985), *Структура и семантика загадок предметного поля „похороны – смерть”*, [в:] *Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд*, Москва.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. (1984), *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, в 2-х тт., Тбилиси.
- Гельгардт Р. Р. (1977), *К вопросу о лингвистической основе фольклора и его культурно-историческом статусе*, [в:] *Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания*, Калинин.
- Григас К. (1987), *Литовские пословицы. Сравнительное исследование*, пер. с лит. автора, Вильнюс.
- Грушко Е., Медведев Ю. (1995), *Словарь славянской мифологии*, Н.-Новгород.
- Гура А. В. (1997), *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва.
- Даль В. И. (1994), *О повериях, суевериях и предрассудках русского народа*, Санкт-Петербург.
- Ермола В. И. (1994), *К выделению семантических полей Ф.Е.*, [в:] *Z problemów frazeologii polskiej i słowianskiej*, t. VI. Warszawa.
- Забылин М. (1992), *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*, Москва.
- Зеленин Д. К. (1994–1996), *Избранные труды*, сост. А. Л. Топоркова, т. 1–3, Москва.
- Иванков В. М. (1975), *Изучение Афанасьевым фольклора как средства выражения народного мировоззрения*, [в:] *Вопросы филологии и методики исследования*, Воронеж.
- Иванов В. В. (1978), *Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем*, Москва.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. (1965), *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*, Москва.
- Кайсаров А. С. (1810), *Славянская и российская мифология*, Москва.
- Клингер В. П. (1911), *Животное в античном и современном суеверии*, Киев.
- Костомаров Н. И. (1847), *Славянская мифология*, Киев.
- Леви-Брюль Л. (1930), *Первобытное мышление*, Москва.
- Левинтон Г. А. (1975), *К проблеме изучения повествовательного фольклора*, [в:] *Типологические исследования по фольклору*, Москва.
- Маранда П., Кёнгэс-Маранда Э. (1985), *Структурные модели в фольклоре*, [в:] *Зарубежные исследования по семиотике фольклора*, Москва.
- Мелетинский Е. М. (1995), *Поэтика мифа*, Москва.
- Надель-Червинская М. А. (1996), *Фольклор славян – его семантика и структура*, [в:] М. А. Надель-Червинская, П. П. Червинский, *Энциклопедический мир Владимира Даля. Книга вторая: Дикие звери*, в 2-х тт., Ростов н/Д, т. 2, с. 311–567.
- Пеньковский А. Б. (2004), *Очерки по русской семантике*, Москва.
- Рыбаков Б. А. (1988), *Язычество древней Руси*, Москва.
- Fronzoli P. (1968), *Studi sul Lessico Comune Semitico*, vol. V.
- Masson E. (1967), *Recherches sur Les plas anciens semitiques en Grec*, Paris.

Margarita Nadel-Chervinsky

**ON SOME ASPECTS OF A METALINGUISTIC SYSTEM
OF THE EAST SLAVONIC FOLKLORE (*ko-/*ka-, *ku-)**

Any text of Folklore is a meta-language system. It consists of simple units (meta characters, or meta-marks), each of which has some sacred meaning, characteristic of the national culture and mythology in general. The article examines the semiotics of sign of the eastern Slavs, which are the semantic center of people's understanding of the *cat*.